

образными содержательными впечатлѣніями, ибо судьба Щепкина сложилась такъ, что ему пришлось на продолженіи жизненнаго пути непосредственно соприкоснуться со всевозможными категоріями жизненныхъ интересовъ.

Въ большинствѣ случаевъ при этомъ Щепкинъ не оставался въ положеніи холоднаго наблюдателя. Съ одной стороны, наблюдаемая имъ важныя явленія жизни сильнѣйшимъ образомъ затрогивали его собственную судьбу, и драма его народа оказывалась и его личной драмой. Такъ было съ крѣпостнымъ правомъ и всѣмъ тѣмъ, что было связано съ закрѣпощеніемъ народа. Съ другой стороны, горячность чувствъ Щепкина и широта его умственного кругозора побуждали его принимать близко къ сердцу и вообще все то, чему онъ становился свидѣтелемъ и чему онъ сочувствовалъ согласно своимъ убѣжденіямъ.

Иначе говоря, его жизнь была полна не только разнообразными содержательными *впечатлѣніями*, но и разнообразными содержательными *переживаніями*, полна внѣшней и внутренней борьбы и яркаго драматическаго интереса.

Это не могло не вліять могущественно на углубленіе и художественнаго творчества Щепкина. Изъ дѣйствительнаго жизненнаго опыта привыкъ онъ черпать матеріаль для художественнаго вдохновенія. Вотъ почему его творчество отличалось не условно-лабораторнымъ характеромъ, а той свободой и тѣмъ оригинальнымъ своеобразиемъ, которыя присущи самой многоцвѣтной дѣйствительности. Вотъ почему — иными словами — Щепкинъ высоко поднялъ на русской сценѣ знамя художественнаго реализма.

У насъ имѣются драгоцѣнныя свидѣтельства С. Т. Аксакова и самого Щепкина о томъ, что связь творчества съ непосредственнымъ изученіемъ жизни Щепкинъ сознательно возводитъ въ одинъ изъ основныхъ принциповъ сценическаго искусства.

„Нерѣдко, — рассказываетъ С. Т. Аксаковъ, — посреди шумныхъ рѣчей или споровъ замѣчали, что Щепкинъ о чемъ-то задумывался, чего-то искалъ, въ умѣ или памяти; догадывались о причинѣ и нерѣдко заставляли его признаваться, что онъ думалъ въ то время о какомъ-нибудь трудномъ мѣстѣ своей